

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. Социалингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб: ИЦ “Гуманитарная академия”; Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.

Рецензируемая книга самими авторами квалифицируется как негрифованное учебное пособие по социалингвистике для этнологов и филологов (точнее, – лингвистов), являющихся студентами и аспирантами социологических и филологических факультетов. В книге четко выражена ориентация авторов на стандартные курсы социалингвистики, читаемые в университетах США, Великобритании и других стран. О принадлежности данной работы к разряду учебных книг свидетельствует (помимо подзаголовка) помещаемая в конце каждой главы “Рекомендуемая литература”, подразделяемая на “Основную литературу” и “Дополнительную литературу”, как это принято в учебных изданиях. Дан добротный пересказ многих зарубежных работ по социалингвистике, обычно не доступных студентам и аспирантам (да и не только им) в России. Кроме того, специально выделяются (более мелким кеглем) определения основных обсуждаемых понятий (список всех упоминаемых терминов и понятий дается в конце книги, как и указатели имен, географических названий, народов и языков). Этим, строго говоря, и исчерпывается специфика книги как учебного пособия. Если бы после заглавия не стояла расшифровка “Учебное пособие”, мало кому пришло бы в голову сомневаться, что перед нами – монография, где при явном предпочтении, которое авторы отдают западной научной литературе, есть солидный пласт их собственных материалов, собранных в ходе полевых исследований. Ни в одном учебном пособии невозможно найти такой богатой библиографии, как в данной работе (более 350 наименований, из них более 200 – зарубежные издания). Сами авторы расценивают почти как равное (fifty-fifty) соотношение заимствованных и извлеченных из собственного опыта теоретических положений, определений и конкретных примеров, полу-

ченных в результате социалингвистических исследований.

Основной текст предваряет **Предисловие** авторов (с. 5–7) и основные (с их точки зрения) источники по социалингвистике на русском языке (с. 8–12), сгруппированные в три раздела (публикации 1920–1930-х гг., 1960–1980-х гг., после 1990 г.), дополненные списком переводных публикаций. Далее следует **Введение** (с. 13–32) с кратким обзором существующей литературы, с определениями социалингвистики и ее предметных областей (которые в дальнейшем подробно рассматриваются авторами) и историей становления и развития социалингвистики в России и в США. Завершает Введение список рекомендованной литературы, что делается также в конце каждой главы.

В книге девять глав. В них освещаются понятия как собственно социологические, так и лингвистические, используются многие, нередко несовместимые точки зрения разных авторов на то или иное социалингвистическое явление или понятие и предлагаются порою новые решения. Авторы во многом занимают позицию людей, “стоящих над схваткой”: они отдают себе отчет в неприменимости тех или иных зарубежных методик исследования к российским условиям и говорят о специфических условиях развития социалингвистики в России, но не делают при этом (до поры до времени) никаких категорических выводов.

В небольшой по объему главе 1 “Язык и общество” (с. 33–48) в качестве ключевых понятий рассматриваются понятия этничности (национальности), этнического самосознания (идентичности) и многоязычия, которое авторы расценивают еще и как “культурный ресурс”, а на индивидуальном уровне как “мощный ресурс, позволяющий людям более эффективно взаимодействовать” (с. 41). Говоря о трех принципиально разных подходах к объяс-

нению феномена этничности, авторы не удержались от соблазна ввести в обиход (ведь это учебное пособие!) загадочный термин “примордиализм”, “примордиалист” (от англ. *primordial* ‘изначальный, исконный’). Термин навевает мысль о русском существительном ‘морда’, благодаря чему слово может в силу такой народной этимологии запомниться студентам и остаться в языке, и без того страдающем от современной терминологии. Кстати, хорошо “упакованный” автор [E. Shils], использовавший когда-то данный термин, не попал в библиографию, но о нем рекомендуется смотреть библиографию в работе Н.Г. Скворцова “Проблема этничности в социальной антропологии” (1996 г.). Подобная система подачи источника, мягко выражаясь, не самая удобная (особенно для учащихся).

Интересны в первой главе сведения и рассуждения авторов (пунктирно намеченные) о многоязычных государствах: 30% стран (из 153) имеют в своих странах от 11 до 50 языков, а по 18% – более 50 или от трех до пяти языков. Из этой таблицы следует, что “трудности вытекают, когда нужно найти пример одноязычной нации” (с. 41). По данным авторов, среди рассматриваемых стран таковых нашлось лишь шесть (= 4%). Правда, сразу возникает вопрос о границах языка и диалекта, но здесь авторы обходят его молчанием (об этом говорится дальше). К сожалению, в этой главе установление причин соотношения между многоязычием и статусом или историей государства Н.Б. Вахтина не интересовало, как и некоторые другие вопросы, появляющиеся в связи с количественными материалами, помещенными на с. 41. Зато в главе 4 при обсуждении вопроса об исчезающих языках в масштабах планеты снова речь идет о соотношении общего количества мировых языков, государств и государственных языков (впечатляющие результаты приведены на с. 125).

Помимо указанных ключевых понятий в первой главе речь идет о статусе языка, о стандартном литературном языке, о диалекте и регистре, о материнском (родном) первом языке и о понятии языковой ситуации. Вопрос о языке и диалекте, рассматриваемый на примере английского языка, трактуется упрощенно, с точки зрения обыденного сознания на основании трех критериев: размер, престиж и взаимопонятность (впрочем, в главе 4 на с. 124 говорится о неясности границы язык/диалект). Однако с чисто лингвистической точки зрения и с позиции носителей, напр., многих уральских языков, перечисленных критериев явно недостаточно. Так, до сих пор ведутся споры у мордвы (эрзянский и мокшанский – языки или диалекты?), у марийцев (восточно-луговой и

горномарийский – языки или диалекты?). Для бесермян и удмуртов лингвисты нашли соломоново решение, говоря о языке бесермян и об удмуртском языке, то есть введен промежуточный языковой статус “идиом”. Для селькупов, где существует почти непрерывный континуум диалектов, в котором крайние точки далеко разошлись, а единого литературного языка не сложилось (как и у хантов), также недостаточно признаков, приведенных Н.Б. Вахтиным. Аналогичная ситуация, на самом деле, имеется и у славян, где есть сторонники взгляда на языки русский, белорусский и украинский как на диалекты одного языка. С другой стороны, диалекты, находящиеся в отрыве друг от друга и претерпевшие в свое время значительные изменения, иногда истолковываются как экстраэриториальные варианты русского языка или даже как разные языки (в частности, речь идет о карпаторусском языке русинов). Остается только присоединиться к шуточному определению У. Вайнрайха, цитируемому Н.Б. Вахтиным: “Язык – это диалект, у которого есть армия и флот” (с. 43). Однако во всех случаях хотелось бы понять точку зрения автора.

Глава 2 посвящена социальным диалектам (с. 49–85). Это самая объемная глава в книге. Особое внимание здесь уделяется методам изучения социальных диалектов, этическим принципам полевой работы и методикам сбора полевых материалов. С перечисленными вопросами хорошо знакомы все “полевики”, однако далеко не все этические принципы полевой работы, обязательные для западного антрополога и лингвиста (нарушение принципов ведет к исключению из всех научных обществ), принимаются российскими исследователями. Анонимность при работе с информантом не всегда оправдывает себя. На собственном опыте убедилась, как радуются информанты, видя свои фамилии в книге и текстах, записанные от них (конечно, если исследователь указывает на явные ошибки, допускаемые информантом, лучше его имя опустить совсем или закодировать, давая, например, одни инициалы). Никаких записей от информанта без его разрешения делать почти невозможно и не нужно, но легко и допустимо записывать чужие диалоги на улице, в магазине. Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин пишут о методах записи социальных групп, говорящих на одном языке. Ситуация усложняется, если речь идет о записи двуязычных информантов, родной язык которых находится в стадии забвения, причинами чего могут быть возраст, образование, место проживания и др. факторы (об этом см. дальше). В обоих случаях исследователь обычно старается создать атмосферу взаимопомощи, когда местные жите-

ли готовы помогать в расшифровке текстов, записанных не только от каждого из них, но и от других информантов, живо реагируют на услышанное. При этом дешифровщик иногда поправляет информанта, иногда соглашается с ним, а при возможности даже вступает с ним в спор. От такой совместной работы выигрывают все: и исследователь, и носители языка, участвующие в коллективном обсуждении каких-то языковых или фольклорных и т.п. проблем. При такой непринужденной обстановке “сходят с рук” любые оговорки, ошибки, вызывающие нередко смех присутствующих. Иногда возникает атмосфера соревнования. В таком случае информанты легко, без всякой обиды, признают первенство в знании языка кого-то другого, а не себя. Как правило, лучшее владение языком выказывают носители языка, ведущие традиционный образ жизни, соблюдающие обряды и пользующиеся родным языком (для российского Севера это, например, люди, живущие в тундре или лесу, а не в поселках, жители которых добровольно отказываются от родного языка, утрачивают верования и лишь следуют некоторым приметам). Последнее время в этой связи нередко говорят о гибридных (или локальных) формах культурах. Варианты таких культур на грани тысячелетий начали описывать Ханнелеена Саволайнен (H. Savolainen), Е.В. Лярская (для ненцев) и др.

Во второй главе речь идет также о выборке, интерпретируемой как “статистический прием, позволяющий определить круг испытуемых, чтобы они адекватно представляли интересующую исследователя группу населения (*генеральную совокупность*)” (с. 59–60). Здесь рассматриваются объективные и субъективные оценки, разновидности выборки. Особое внимание уделяется гендерным различиям в языке, вопросу о корреляции языка и возраста. Проблемы, связанные с гендерными различиями, в настоящее время активно обсуждаются и в России, чего авторы не замечают (возможно, сознательно), упоминая об этом лишь вскользь (с. 72–73) и не обозначая собственного отношения к их решению.

В главе 3 (с. 86–110) разбираются две важные темы социолингвистики – проблематика отношения к языку и проблемы индивидуального выбора языка. Во многом данный раздел является социально-психологическим, как его оценивают сами авторы. В главе подробно анализируются прямые и не прямые, количественные и качественные методы сбора языковых данных; экспериментальная методика “парных масок” У. Ламберта, основанная на работах Ч. Осгуда, и вопросники, интервью, наблюдения. Авторы считают, что изучение

отношения к языку дает исследователю ключ для понимания социальной роли языка в разных областях: говорится о самоидентификации групп, о диглоссии, называемой Н.Б. Вахтиным также, судя по заголовку соответствующего раздела, двуязычием; об образовании. Говоря о причинах выбора того или иного языка в конкретной коммуникативной ситуации, автор останавливается на социологическом, социально-психологическом и культурно-антропологическом подходах.

Для данной главы удивительным является практически полное отсутствие ссылок на русскоязычные источники, хотя в других главах они не столь редки (здесь упомянуты лишь работы трех авторов и те лишь в последнем разделе о выборе языка). Между тем и разные методы исследования социальных языков (особенно использование вопросников, интервью и наблюдений), и подходы к выбору языка общения (что при билингвизме до сих пор вызывает затруднения) широко используются в России. С вопросами, касающимися разного рода анкет и выбора языка общения, сталкивались в России уже в XVIII в. и находили решение. Так, например, В.Н. Татищев по составленным им на русском языке анкетам собирал материалы по камасинскому языку среди саяно-алтайских самоедов “через толмачество казака Ивана Ковригина и чрез камасинского татарина Сурастая Судачикова”. В настоящее время многие работы, будучи изданы в Сибири, республиках или небольшими тиражами при университетах, столь же мало известны и почти не доступны исследователям, как и полно представленные в рецензируемой книге зарубежные источники. Достаточно посмотреть монографии и статьи Н.В. Лукиной, Е.Ю. Протасовой, Р.-Л. Винклер и др., познакомиться с анкетами, часто приводимыми авторами многих статей в их работах, чтобы убедиться в сказанном. С этой точки зрения большая (чем она имеется в книге сейчас) ориентация на русскоязычную малодоступную научную литературу была бы для процесса обучения студентов столь же полезна, как и широкое ознакомление учащихся с зарубежной литературой.

В заключительном разделе главы о выборе языка авторы отмечают, что “цель изучения языкового выбора – объяснить его” (с. 109). Однако в конечном итоге однозначного объяснения, по крайней мере, с точки зрения автора, не дается (что, впрочем, вполне понятно).

Если бы авторы больше внимания уделяли социолингвистической обстановке в России, то они должны были бы отметить специфику диглоссии в стране, изменения в распространении и объеме такого типа двуязычия в различных ареалах. Для многих малочисленных народов

это связано с сознательным переходом молодого поколения на русский язык в любой ситуации при вынужденном использовании родного языка при общении со стариками (см., например, ситуацию у селькупов). Правда и то, что “сдаются” чаще старые люди, переходя для общения с молодыми на русский язык.

Рассмотрение вопросов языкового выбора продолжается в **главе 4** (с. 111–134). В отличие от главы 3, где рассказывалось об индивидуальном выборе языка, здесь говорится о выборе языка коллективом, что хорошо прослеживается и по российским примерам. Так, уже в XVIII в. И.И. Лепехин свидетельствовал, что в Большеземельской тундре функцию *lingua franca* при общении с ненцами выполнял коми-зырянский язык, поскольку коми язык знали все ненцы. Точно так же “самоеды” (имелись в виду селькупы) владели языком манси, в то время как манси не знали селькупского языка (судя по этим сведениям, здесь имел место односторонний/монологический билингвизм). Очевидно, что выбор языка общения обусловлен языковой ситуацией в районах проживания анкетированных этносов. В подобных случаях в центре внимания оказывается понятие языкового сдвига и сохранения языка. Данная глава содержит описание причин и условий языкового сдвига, обсуждение его темпов; говорится о разрыве языковой традиции, об исчезающих языках планеты и (наоборот) о причинах языковой устойчивости. В качестве причин названы: сознательные усилия по сохранению языка; ошибка в оценке состояния языка и несоответствие объема понятий “исчезновение языка” для внешнего и внутреннего наблюдателя (с. 129–132). Темы языковой жизнеспособности, сохранения языка, языковой устойчивости и ее причин показывают, что выбирать приходится между уже существующими языками (не учитывая ситуацию, при которой возникают новые языки), и ими начинают пользоваться вновь образующиеся социумы. Анализ новой ситуации дан в следующей главе.

Глава 5 (с. 135–161) продолжает тематику коллективного выбора языка. Здесь речь идет о новых языках и конструировании новых идентичностей. В отличие от не экстремальных ситуаций языковых контактов, когда языки могут взаимодействовать длительное время, постепенно оказывая влияние (проявляющееся в интерференции, в появлении языковых союзов) друг на друга, в экстремальных ситуациях может возникнуть контактный язык, называемый пиджином. В разделе об экстремальных языковых ситуациях рассматриваются диагностические признаки пиджинов и приводятся примеры из руссенорска, таймырской говорки,

русско-китайского пиджина; говорится о формировании креольских языков и путях их развития. Здесь же описываются смешанные языки на примере языка алеутов острова Медный. Е.В. Головкин настойчиво подчеркивает, что смешанные языки не имеют ничего общего ни со случаями конвергенции, которая происходит в языковых союзах, ни с пиджинами и креольскими языками. Главной причиной появления нового (смешанного) языка становится конструирование группой собственной идентичности (с. 154–155).

Глава 6 “Языковая политика. Языковые меньшинства. Двужычное образование” (с. 162–196) в первой своей части касается вопросов языкового планирования, предпринимаемого как на уровне государства, так и отдельными личностями. Примерами последнего является создание второго норвежского литературного языка на базе диалектов (ла н д с м о л а / н ю - н о р с к а) или возрождение иврита как устного языка и др. При государственном языковом планировании авторами выделяется три этапа, первый из которых связан с выбором государственного языка (обычно этот этап проходят развивающиеся страны, освободившиеся от колониального режима). Второй этап предполагает определить отношение государства к языкам меньшинств: поддерживать их, терпеть или подавлять. Далее наступает период языкового строительства, в задачи которого входят создание алфавитов, развитие школьного образования, издание литературы и т.п. На примере ряда зарубежных стран авторы демонстрируют определенную последовательность действий, включающую социологические исследования, определение целей и конкретных шагов языкового планирования, модернизацию языка и внедрение всех предложенных лингвистами разработок. При языковом планировании на выбор языка, по мнению авторов, влияют социально-демографические факторы, географическое “расположение языка”, языковые, социально-психологические, политические и религиозные факторы. Рассмотрев понятие языковых конфликтов, указав на их следствия и нейтрализацию на примере зарубежных стран, авторы обращаются к языковой политике в дореволюционной России и на территории бывшего СССР (о чем скупно пишут на с. 179–186), после чего снова возвращаются к примерам из опыта зарубежных стран. Конечно, работы В.М. Алпатова на обсуждаемые темы легко доступны для студентов, по крайней мере, Санкт-Петербурга, но если студенты ограничатся исключительно данным учебным пособием, у них может возникнуть неправильное представление о языковой политике в собственной стране. Говоря о необходи-

мости/возможности преподавания в школе на языках меньшинств, авторы суммируют аргументы pro и contra таких решений, выдвигаемые и интенсивно обсуждаемые в настоящее время. К сожалению, авторы и здесь не высказывают своего собственного мнения на этот счет, предпочитая соблюдать “нейтралитет”. Последний раздел о типах программ двуязычного образования построен так же, как и большинство других разделов, – на материале зарубежных проектов. Между тем эти вопросы являются наиболее острыми в школах Крайнего Севера в России и для их решения выдвигаются сходные или новые предложения, с которыми можно было бы познакомиться студентов.

“Язык и власть” – так называется **7 глава** (с. 197–225). В ней рассказывается о языке как инструменте власти и о языке советской эпохи. В этой главе в большей мере, чем в других разделах книги, ощущается тяготение авторов к собственному социологической проблематике (и в меньшей мере – к лингвистической). Здесь говорится об отражении социальной иерархии общества в языке, или (по терминологии Е.В. Головки) в лингвистических практиках, которые у различных социальных групп неодинаковы, о чем уже шла речь раньше, в главе 3. Указывается на использование языка в качестве орудия власти, разбирается теория воздействия на сознание людей, источником которого служит языковое манипулирование, осуществляемое при помощи разных лексических средств. В разделе о языке советской эпохи анализируется тоталитарный дискурс, лингвистические особенности официального языка советского периода. В отличие от большинства других разделов, данная часть содержит богатый иллюстративный материал. Кончается глава небольшим параграфом о языковом сопротивлении, которое возникло в ответ на засыле официального языка советского периода.

В **главе 8** (с. 226–252) дается представление о так называемой интеракционной социологии в лингвистике (сочетание “так называемый” употреблено в значении “имеющий”, носящий название”, а не в смысле иронического цитирования, о котором говорится на с. 215). Текст о межличностной и межкультурной коммуникации (модная в настоящее время тема), содержащий пересказ “социологической драматургии” И. Гофмана, о теории “лингвистической вежливости” П. Браун и С. Левинсона, теория вербальной коммуникации Дж. Гамперца и особенно коммуникативные постулаты Г.П. Грайса напоминают рекомендации, как вести себя в той или иной ситуации. В конце главы Е.В. Головки задает вопрос “Имеют ли коммуникативные постулаты Г.П. Грайса универсальный характер?” Судя по приведенному

примеру о коммуникативных практиках, принятых в малагасийской культуре, ответ должен быть отрицательным.

Заключительная **глава 9** (с. 253–276) посвящена понятию дискурса и дискурсного анализа, вскользь упоминавшегося ранее в главах 1, 2, 5, 7, 8. По признанию авторов, “подход к дискурсу, как правило, оказывается эклектичен и включает различные (можно сказать, удобные авторам) методы из различных областей” (с. 269). К научным областям, в которых используется дискурсивный анализ, относятся социология, политология, психология, культурная антропология, литературоведение, социоллингвистика и т.п. дисциплины (с. 267). По мнению авторов, следует различать два значения термина “дискурс”: в узко лингвистическом смысле, “когда речь идет лишь обо всех аспектах использования языка”, и в случаях, “когда помимо различных аспектов языка рассматривается и вся совокупность нелингвистических факторов” (с. 255). Именно в этом втором понимании (полностью соответствующем определению В.З. Демьянкова, приведенному на той же странице) и трактуется термин “дискурс” в данной главе. Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки перечисляют шесть источников дискурсного анализа, описывают трактовку понятия “дискурс” в современных работах и “способы существования” дискурсов (их взаимосвязанность, что может быть обусловлено возникновением новых и исчезновением старых дискурсов; бесконечность дискурсов и отсутствие четких границ между ними; возможность слияния двух дискурсов в один; сложность дискурсов независимо от того, будет ли это дискурс “старушек, сидящих на скамейке у подъездов”, или дискурс депутатов Думы (с. 266) и т.д.).

Авторы признают, что «в отличие от выводов, основанных на применении количественных методов, результаты дискурсного анализа не могут претендовать на “точность”, “объективность” и “масштабность”, но они открывают возможность более свободного взгляда на объект исследования, более гибкого использования различных инструментов анализа, отказа от обязательных обобщений, принципиального допущения “неточных” выводов» (с. 275).

Завершающая часть книги названа **Вместо заключения** (с. 277–278). Отказываясь от суммирования сказанного, авторы делятся с читателями теми мыслями, которые возникали у самих лекторов при чтении курсов социоллингвистики аспирантам Европейского университета в Санкт-Петербурге и студентам филологического факультета Петербургского государственного университета. Эти же мысли (а именно: в какой мере изложенные в данном пособии идеи, методы, системы понятий и тер-

минов применимы к российской ситуации?) возникали и у рецензента. Авторы отдают себе отчет, что их ориентация на англо-американскую традицию социолингвистики позволяет делать им выводы, которые часто не подтверждаются материалами других языков; точно так же социальные группы не совпадают в разных странах, развивавшихся разными путями. В результате авторы ставят вопрос: “В какой мере модели социальной диалектологии, разработанные для США, применимы, например, к России?”. Кое-где в данной рецензии я указывала на необходимость использования иных методик в российских условиях, на особенности языковой ситуации в многоязычной России, но этого мало. Авторы этой интересной по замыслу, смелой по исполнению и богатой по использованному материалу книги правы, когда говорят, что “необходимо провести в России, на русском материале конкретные со-

циолингвистические исследования, проверить применимость методик и подходов, понять, какие подходы, методы и понятия могут быть использованы без изменений, какие нуждаются в уточнении, а какие совершенно непригодны в российских условиях”. В ответ на данное предложение хочется пожелать авторам заняться решением этой задачи, которая, я уверена, им под силу. Если рецензируемая книга родилась из желания познакомить русских лингвистов с состоянием социолингвистики за рубежом, то книга, ориентированная на добротное описание социолингвистической ситуации и методов ее исследования в Российской Федерации, будет необходима не только для российских, но и для зарубежных исследователей этой области знания.

А.И. Кузнецова